

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ В УКРАИНЕ

Автор полагает, что потребность в новом прочтении концепта «гражданское общество» актуализируется контекстом реформирования государства, моделей взаимодействия социальных институтов, контраверсийности становления демократии, что имеет место в Украине. Автор предлагает понимать гражданское общество как нейтральный концепт и как возможную практику в современном мире. Анализируются связи между гражданским обществом, доверием к основным социальным институтам и социальной безопасностью в современной Украине. Автор полагает, что в рассматриваемом контексте особого внимания заслуживает изучение взаимосвязи между вертикальными и горизонтальными механизмами достижения социальной безопасности. Предлагается исследовать состояние гражданского общества и развитие Украины путем измерения уровней доверия к основным социальным институтам, установления связи между уровнем доверия и противоречивыми процессами реформирования важнейших институтов общества и государства. С этой целью в статье приведены результаты социологических исследований ведущих социологических служб Украины по уровням доверия к основным институтам общества и государства (2003–2015 гг.), статистические данные, иллюстрирующие проведение реформ в стране.

V. N. NIKOLAEVSKYY

CIVIL SOCIETY AND SECURITY: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS IN THE CONTEXT OF REFORMS IN UKRAINE

The author guesses that the need for a reinterpretation of the «civil society» concept is updated by the context of state's reforming, models of interaction between social institutions, contradictoriness of a democracy becoming that takes place in Ukraine. Civil society is meant as value-neutral concept, as well as a possible practice of the contemporary world. The goal of the article is to analyze relationships between the civil society, trust to the main social institutions and groups and social security in contemporary Ukrainian society. Taking into consideration the nature of civil society and its relationships with state, social institutions and personality, the question is arising: what is its potential, resources and the role in social security ensuring? Civil society and ability to maintain the social dialogue during the conflict situations which connect with social institutions' disfunctions are the "pillars" of social security keeping up. Contrary, when that mode of social security exists, its providing and maintenance relies not on the repressive instruments, but on the potential of civil society. In this case providing of social control on state institutions become its leading function. Civil society's condition in Ukraine is proposed to test by measuring the levels of trust to the basic social institutions, connection between the level of trust and processes of reforms in society. To decide this task data (2003–2015) of well-known Ukrainian sociology agencies, as well as statistics are analyzed.

НИКОЛАЕВСКИЙ
Валерий Николаевич,

профессор кафедры социологии социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, кандидат философских наук, доцент

Гражданское общество как одна из основных форм организации и упорядочения современного общества обычно ассоциируется с демократией и верховенством права, солидарностью, плюрализмом, свободой и равенством, плотностью сетей групп, общностей и контактов/связей между индивидами и государством, самостоятельностью индивидов и т. д. Высокая актуальность проблематики гражданского общества задается как минимум такими «универсалиями» данного концепта, как критический потенциал и его «контекстуальность» (И. Садовски). Как представляется, потребность в его новом прочтении обостряется во время рефор-

мирования государства, принципов, форм взаимодействия государственных и общественных институтов, контраверсийности становления демократии, что имеет место в Украине.

Современный дискурс гражданского общества традиционно связывают с идеями Г. Гегеля, Т. Гоббса, Э. Дюркгейма, Дж. Локка, Н. Макиавелли, К. Маркса, Дж. С. Милля, Ш. Монтескье, Т. Мора, Т. Пейна, Э. Роттердамского, Ж. Ж. Руссо, А. Сен-Симона, Б. Спинозы, А. Смита, А. де Токвиля, Ф. Фергюсона, Д. Юма, но также верно и то, что он восходит к мыслителям Античности (Платону, Аристотелю, Цицерону, стоикам).

Интерес к гражданскому обществу в социогуманитарных науках характеризовался всплесками и падением исследовательского внимания. Так, интерес к данному концепту отсутствовал в течение нескольких десятилетий в середине XX ст., в то время как наблюдаемый в настоящее время всплеск интереса восходит к 1980-м гг. и объясняется процессами демократизации в Латинской Америке, Центральной и Восточной Европе, в частности в Украине [1–3].

Концепт гражданского общества является достаточно популярным и разрабатывается представителями различных сфер социогуманитарного знания¹. Так, современные зарубежные политологи, философы и правоведы (например, С. Абакумов, Ш. Авинери, Э. Арато, Г. Бейкер, М. айда, К. Гаджиев, А. Грамши, Р. Дарендорф, П. Залецки, М. Ильин, Б. Капустин, Дж. Кин, Дж. Коэн, Л. Колаковски, М. инденберг, А. Малец, Д. Норт, Р. Патнэм, С. Перегудов, Д. Петржик-Ривз, З. Печлински, Д. делла Порта, Т. Скокпол, А. Степан, Ч. Тейлор, А. Тобелем, Ф. Фукуяма, Р. Хайнеман, О. Хархордин, Ю. Хоуелл, Н. Чендхоук, И. Шапино, Е. Шацки, М. Эдвардс, Д. Янг) и их украинские коллеги (В. Бибик, Е. Быстрицкий, А. Гарань, В. Горбатенко, О. Данильян, Л. Дегтерева, Ю. Загородний, Г. Зеленко, Р. Кобец, А. Колодий, С. Кириченко, И. Кресина, С. Лозница, В. Никитин, В. Полохало, С. Пролеев, С. Рябов, Ф. Рудич, О. Скрипнюк, С. Телешун, М. Требин, М. Ходаковский, Ю. Шайгородский, Ю. Шемшученко, В. Цвих и др.) уделяют внимание изучению вопросов взаимодействия гражданского общества и государства, общественных организаций, филантропии, гражданственности в институциональном и духовно-практическом измерении².

Заслуживают внимания исследования различных психологических и педагогических аспектов рассматриваемой проблематики, такими зарубежными учеными, как О. Гулевич, К. Джонас, Г. Дилигенский, Д. Довидио, Т. Мортон, Э. Силке, М. Снайдер, В. Старк, Л. Тейлор, и украинскими – И. Жадан, З. Карпенко, Я. Лантинным, М. Пирен, С. Позняком, М. Слюсаревским, В. Татенко, Т. Титаренко, А. Фурманом, Н. Хазратовой.

Проблематика гражданского общества не менее плодотворна и в социологическом измерении³, так как предусматривает (допускает) коллективную солидарность и одновременно индивидуальный волюнтаризм. Его смысл актуализируется кроме того через (с помощью) доверия, институтов, социального капитала, технологий социального управления. В связи с этим побуждают к дальнейшему поиску работы Дж. Александра, В. Бачинина, В. Витюка, Э. Геллнера, Э. Гидденса, П. Глинского, З. Голенковой, О. Гоулднера, Е. Евелькина, К. Калхуна, И.

Королевского, М. Мароди, В. Рябева, И. Садовского, А. Сэлигмена, К. Тестер, Н. Тихоновой, П. Штомпки и их украинских коллег (прежде всего, И. Бекешкиной, А. Вишняка, Е. Головахи, Е. Донченко, Е. Злобиной, М. Култаевой, В. Небоженко, В. Пасисниченко, В. Пилипенко, Ю. Привалова, А. Резника, Н. Соболевой, В. Степаненко, Ю. Сурмина). В то же время насущным, но недостаточно изученным⁴ является исследование гражданского общества в контексте безопасности.

Целью статьи является анализ связей между гражданским обществом, доверием к основным социальным институтам/группам и социальной безопасностью в современном украинском обществе.

Интерес к гражданскому обществу как концепту и социальному феномену подпитывается практикой⁵. Вообще складывается впечатление, что гражданское общество неуловимо. По метафоричному выражению Б. Капустина, понятие «гражданское общество» подобно улыбке Чеширского кота: моральная привлекательность гражданского общества есть, а самого кота, т. е. социологически выявленного гражданского общества, нет [7, с. 32]. Это объясняется не только тем, что отсутствует определенность в понятиях и критериях, по которым можно фиксировать его наличие и состояние, но и тем, что особенность нашего времени – в ощущении беспокойства по поводу (не)благополучия гражданского общества⁶.

Становление гражданского общества непосредственно связано с трансформацией важнейших социальных институтов. В контексте его понимания как результата трансформации тоталитарных обществ в посткоммунистических странах, в том числе в Украине, эта зависимость особенно заметна. В то же время развитые демократии демонстрируют пример обратного влияния: того, как гражданское общество влияет на становление новых демократических институтов.

Концепт «гражданское общество» «постоянно реинтерпретируется и воссоздается» [12, р. 490], он эксплуатируется во множестве различных значений, каждое из которых в определенном контексте может быть плодотворным и оправданным. М. Эдвардс «сжимает» их в три группы: 1) гражданское общество как мир ассоциативной жизни; 2) гражданское общество как хорошее общество; 3) гражданское общество как публичная сфера [12]. Благодаря работам Э. Геллнера, Дж. Кина и Ч. Тейлора широкое распространение приобрели следующие значения рассматриваемого концепта: 1) наличие «третьего сектора», независимых от государства общественных организаций; 2) вся социальная структура, которая координирует свои действия, опираясь на добровольные

¹ Рассмотрение дискурса глобального гражданского общества при всей его и динамичности (см., например, работы таких авторов, как С. Галперин, Л. Джордан, Дж. Ейтс, Дж. Кин, М. Кэлдор, К. Кумар, Г. Лексер, Р. Липшуц, Е. Моравчик, М. Эдвардс) превышает исследовательские возможности статьи.

² Можно согласиться с А. Колодий, что политико-правовой уклон в представлениях о гражданском обществе часто мешает пониманию того, как именно происходит процесс формирования граждан, так как маскирует специфику непростой концепции гражданского общества [4].

³ Обратим внимание на меткое, на мой взгляд, замечание О. Гоулднера, согласно которому гражданское общество является «уникальным социологическим концептом» [5].

⁴ Создается впечатление, что чуть ли не единственная попытка обратиться к данной проблематике в литературе, да и то в философском измерении – дискуссия в ИФ РАН (Москва) в 1995 г. [6].

⁵ Очевидно, не будет преувеличением сказать, что структуры гражданского общества растут в геометрической прогрессии. Так, за последние 100 лет, по некоторым оценкам, количество лишь тех структур гражданского общества, которые действуют на международной арене, выросло в 200 раз [7, с. 27]. Аналогичные тенденции наблюдаются и в Украине: количество общественных организаций, действующих на национальном уровне, за годы независимости (1991–2015) увеличилось с 146 до 3599 [8, с. 273; 9].

⁶ См., например, работы «коммунитаристов», а также Р. Патнэма и его последователей [10; 11].

ассоциации; 3) фактор влияния на политику государства, т. е. как совокупность групп давления и иных субъектов влияния на политический процесс в обществе; 4) наличие негосударственных институтов, достаточно сильных, чтобы быть противовесом государству и, не противодействуя ему в выполнении роли сторожа мира и арбитра между основными группами интересов, не позволять ему доминировать над остальным обществом, а также атомизировать его; 5) внеполитическая и внегосударственная сфера общественной жизни [13, р. 5; 14, р. 3, 14; 15, р. 68; 16, с. 455].

Очевидно, не все приведенные определения «критикоустойчивы». Так, уязвимым для критики видится подход, фактически отождествляющий гражданское общество и независимые от государства общественные организации, поскольку является излишне формализованным и механистическим. Если ставить знак равенства между гражданским обществом и такой устоявшейся социологической категорией, как «социальная структура», то не является ли концепт гражданского общества излишним? Возможна критика и в отношении определения, связывающего гражданское общество и хорошее общество. Если мы полагаем, что хорошее общество требует координации действий различных институций, как понять, какое направление движения правильное, тем более что условия и обстоятельства подвержены изменениям.

Продуктивным представляется изменение исследовательского фокуса на данную проблему, поскольку открываются два интересных и важных аспекта.

Первое. Какова нагрузка предиката «гражданское», значение гражданства в юридическом, философском и социологическом контексте? Ответ возможен в случае понимания гражданского общества как практики, объединяющей «частных лиц в деле, направленном на общее благо, и преобразующей их *обычное* “мнимое” гражданство в реальное, т. е. в деятельное участие в определении общего блага, борьбе за его осуществление или защите его» [7, с. 35].

Гражданское общество, таким образом, видится, с одной стороны, не константой, а переменной величиной, некоторой своеобразной характеристикой способа деятельного существования (и изменения) общества, в частности его норм, процедур, институтов. С другой – как ценностно нейтральное понятие («очищенное» от ценностей свободы, справедливости, солидарности и т. д.). Важно понимать, что гражданское общество может возникнуть для решения актуальных для общества проблем. Но также верно и обратное: в аналогичной ситуации (когда общественная потребность в его существовании крайне высока) оно (гражданское общество) может и не возникнуть. При этом, даже возникнув, оно может оказаться не в состоянии решить актуальные для общества задачи, которые, собственно, и стали импульсом, причиной его появления. Таким образом, «гражданское общество» есть *возможная практика* современного мира, а не его “признак” и тем менее – гарантированный атрибут» [7, с. 36]. А значит, вряд ли правомерно говорить о каких-либо универсальных организационных рамках, в которых может создаваться гражданское общество.

В современном обществе гражданское общество может принимать (и принимает) в зависимости от условий разные формы, в том числе конфронтационные (движения анти- и/или альтерглобализма, «Солидарность» в Польше, «народные фронты» в течение периода краха коммунизма в странах Центральной и Восточной Европы, Майдан (Евромайдан) и Антимайдан в Украине во время Революции Достоинства и др.).

Второе. Принимая во внимание отношения гражданского общества и государства, важнейших социальных институтов и личности, его природу, возникает вопрос его потенциала, ресурсов и роли в обеспечении и поддержке безопасности общества и, в частности, социальной безопасности. В этом контексте заслуживает особого внимания изучение взаимосвязи между вертикальными и горизонтальными механизмами достижения социальной безопасности. Другими словами, реформирование социально-экономических и политических отношений, как например, в Украине, с одной стороны, направлено на становление гражданского общества и усиление его роли по отношению к государству, а с другой – процессы, происходящие в политико-экономической сфере, ведут к поляризации общества и незаинтересованности значительной части населения в возможностях гражданского общества [17; 18].

Очевидно, что необходимость поиска (и изучения) путей и средств обеспечения социальной безопасности современного общества, а также создания необходимых предпосылок для ее расширения в таких условиях существенно возрастает. Важно подчеркнуть при этом, что именно гражданское общество, а также возможность конструирования и поддержки социального диалога в конфликтных ситуациях, связанных с дисфункциями социальных институтов, являются «столпами» социальной безопасности.

В частности, именно на гражданское общество в большей мере, чем на соответствующие институты государства, призванные осуществлять репрессивные функции, при таком режиме социальной безопасности возлагается надежда. Это происходит потому, что существенно повышается значимость такой функции гражданского общества, как осуществление социального контроля над государством, которая, возможно, становится ведущей. При этом повышается (должна повышаться) роль политических партий, общественных организаций, групп интересов, местных территориальных объединений и т. д., которые получают карт-бланш на своевременное реагирование на возникающие угрозы (экономические, политические, информационные, экологические, информационные, психологические и т. д.), в то время как государство получает дополнительный ресурс фокусироваться на внешних угрозах (прежде всего военных), угрозах независимости, суверенитету и территориальной целостности⁷, экстраординарных ситуациях (техногенные и экологические катастрофы, теракты и т. д.), т. е. роль государства сводится к минимизации рисков при формировании пространства определенности и безопасности (секьюритарной среды).

⁷ Такое деление в определенной степени условно, так как одинаково угрожающими независимости, суверенитету и территориальной целостности (например, в случае Украины) представляются как внешние, так и внутренние вызовы, что ощущается в обществе [19].

Дискурс гражданского общества в Украине реактуализируется в связи с дискуссиями о демократической трансформации и «перезагрузке» государства. Имеется в виду изменение роли структур гражданского общества и граждан в обществе вследствие подъема протестного движения (в частности, Революции Достоинства), драматических событий постмайданного периода, а также потребность в кардинальном реформировании основных социальных институтов, новых формах взаимодействия институтов общества и государства, создавших новый контекст жесткого императива государственности.

Повлияет ли становящееся гражданское общество, беспрецедентный подъем гражданских инициатив и практик в Украине на реформирование основных сфер жизнедеятельности общества и если повлияет, то каким образом? Будут ли способствовать амбициозные реформы дальнейшему развитию гражданского общества, большей социальной справедливости и формированию социального капитала в Украине, утверждению свободы, принимая во внимание, что это не первая подобная инициатива власти?

Качество гражданского общества тестируется уровнем доверия к основным социальным институтам. По мнению Е. Головахи, «реальный путь повышения доверия в обществе – это последовательный переход от контроля государства над обществом и личностью к последовательному контролю гражданского общества по отношению к государственному аппарату и его методам управления социально-политической сферой и экономикой» [20, с. 9]. Каков уровень доверия к основным социальным институтам в Украине? Меняются ли показатели доверия к социальным институтам в Украине с точки зрения перспектив эффективности реформирования общества и государства?

Поиск ответа будет более эффективен, если обратиться к результатам исследований ведущих социологических центров Украины.

Согласно данным исследования Фонда «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива и Украинского центра экономических и политических исследований имени А. Разумкова (далее – Центра Разумкова)⁸, позитивный баланс доверия (количество респондентов, доверяющих институту, превышает количество тех, кто не доверяет) имеют волонтеры (+43,8 %), церковь (+34,0), Вооруженные Силы Украины (+18,0), добровольческие батальоны (+15,8), общественные организации (+13,2) и СМИ Украины (+2,2%). У всех остальных протестированных социальных институтов негативный баланс доверия. При этом самые низкие показатели баланса доверия (баланс доверия/недоверия негативный и превышает 50 %) к судам (-67,4), прокуратуре (-66,9), Верховной Раде Украины (-62,9), банкам (-61,9), милиции⁹ (-56,8 %).

Следует обратить внимание, что по сравнению с предыдущим замером «температуры» доверия (мартом 2015 г.)

⁸ Исследование проведено Фондом «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива и Центром Разумкова 22–27.07.2015 г., n = 2011, ≥ 18 лет во всех регионах Украины, кроме АР Крым и оккупированных территорий Донецкой и Луганской областей.

⁹ В исследовании используется термин «милиция», а не «полиция», так как на время проведения исследования Закон Украины «О национальной полиции» еще не вступил в силу.

принципиальных изменений не произошло. Уровень доверия снизился практически ко всем социальным институтам, тестируемым в оба периода (кроме, пожалуй, общественных организаций, баланс доверия к которым вырос с +5,4 до +13,2 процентных пункта, судов – с -70,8 до -67,4 и банков – с -76,5 до -61,9). Выделяются и новые институты с достаточно высоким уровнем доверия (в украинских реалиях) к ним населения: волонтеров (баланс доверия +43,8) и добровольческих батальонов (+15,8) [21; 22] (см. таблицу).

Думается, в определенной степени могут вызывать удивление (в силу того что противоречат повседневному опыту), а следовательно, и нуждаются в объяснении некоторые зафиксированные социологами изменения. В частности, имеется в виду изменение уровня доверия к милиции (баланс доверия снизился в течение рассматриваемого периода на 12,2%: с -44,6 до -56,8). Такая отрицательная динамика нуждается в дополнительных комментариях, так как речь о, пожалуй, одной из самых публичных реформ. К тому же социологические службы и СМИ неоднократно фиксировали позитивный имидж реформированной ГАИ/ППС – «патрульной полиции», как важной составной части ОВД [см., например, 23–26].

Но вместе с тем необходимо учитывать и то, что, во-первых, реформируется достаточно закрытая, непубличная сфера деятельности; во-вторых, все еще нереструктурированы (а значит, потенциально могут способствовать снижению доверия) криминальная полиция, институт участковых инспекторов, органы досудебного следствия, полиция охраны и другие¹⁰. В-третьих, доверие к милиции (полиции) стало заложником времени: опрос общественного мнения датирован концом июля, фактически в то же время (на три недели позже), что и появление новых патрульных в Киеве, Одессе и Львове, т. е. данные события вряд ли могли быть четко зафиксированы и оценены обществом¹¹.

В период (2005–2015 гг.) к некоторым социальным институтам уровень доверия (баланс) вырос: например, к общественным организациям с -12,0 в 2005 до +13,2 в 2015 г.), банкам (соответственно -63,7 и -61,9), к другим (церковь) остался неизменным (+33,5 и +34,0) или снизился, но при этом остался в зоне позитивных значений: СМИ Украины (+32,9 и +2,2), к третьим стал существенно ниже, пребывая в зоне негативных значений: суд (-8,0 и -67,4), органы прокуратуры (-11,9 и -66,9), милиция (-12,4 и -56,8)¹².

Доверие к социальным институтам, будучи чутким индикатором социальных явлений и процессов, коррелирует с кризисными явлениями в обществе, такими как низкое качество правосудия, представлениями, что ситу-

¹⁰ Например, реформирование института участковых инспекторов начато в апреле 2016 г. [27].

¹¹ В пользу правомерности подобного предположения свидетельствует следующее: в апреле 2016 г., когда патрульная полиция работала в 21 городе Украины, по некоторым оценкам, уровень доверия населения к новой полиции составил 44 % [28; 29].

¹² Рассчитано автором. Баланс доверия к банкам рассчитан с 2009 г. К суду, органам прокуратуры и милиции (2005–2013 гг.) рассчитан баланс поддержки деятельности (Б. поддержки деятельности = «полностью поддерживаю» – «не поддерживаю») [22; 30]. Данные КМИС (декабрь 2015 г.) [31] принципиально не противоречат анализируемым данным.

Таблица – В какой мере Вы доверяете следующим институтам? (%)

Институт	Полностью не доверяю	Скорее не доверяю	Скорее доверяю	Полностью доверяю	Трудно сказать	Баланс доверия/недоверия (07.2015)*	Баланс доверия/недоверия (03.2015)**	Баланс доверия/недоверия (07.2015-03.2015)**
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Президент Украины	33,3	29,2	25,8	3,7	8,0	-33,0	-6,4	-26,6
Верховная Рада Украины	44,4	34,0	13,6	1,9	6,2	-62,9	-39,7	-23,2
Правительство Украины	45,1	29,5	16,0	2,3	7,1	-56,3	-36,7	-19,6
Вооруженные Силы Украины	19,1	17,6	41,3	13,4	8,6	18,0	29,0	-11,0
Добровольческие батальоны	20,8	16,0	36,7	15,9	10,6	15,8	-	-
Милиция	40,3	34,7	16,1	2,1	6,8	-56,8	-44,6	-12,2
Служба безопасности Украины	32,7	28,7	23,7	3,6	11,3	-34,1	-22,6	-11,5
Местная власть	25,9	30,7	29,5	5,0	8,9	-22,1	-11,9	-10,2
Суд	51,4	28,8	10,4	2,4	7,0	-67,4	-70,8	3,4
Прокуратура	51,4	28,2	9,9	2,8	7,7	-66,9	-61,5	-5,4
Церковь	14,4	13,6	38,3	23,7	10,0	34,0	43,6	-9,6
СМИ Украины	20,1	24,6	40,6	6,3	8,3	2,2	6,6	-4,4
Общественные организации	15,1	17,9	38,7	7,5	20,9	13,2	5,4	7,8
Волонтеры	12,2	10,6	49,0	17,6	10,6	43,8	-	-
Банки	45,5	31,0	12,6	2,0	9,0	-61,9	-76,5	14,6

*Баланс доверия (+)/недоверия (-) рассчитан по формуле: баланс = («полностью доверяю»+ «скорее доверяю») – («полностью не доверяю»+ «скорее не доверяю»).

** рассчитано автором.

ация в стране развивается в неправильном направлении (66,9 % респондентов), с неудовлетворенностью проведением реформ¹³ (средние оценки проведения реформ 2–3 балла по 10 балльной шкале), коррупция. То, что в наибольшей степени коррупция (баланс коррупции)¹⁴ фиксируется в судебной системе, органах прокуратуры, таможенной службе, фискальной инспекции, правоохранительных органах (милиции)¹⁵, и именно к соответствующим институтам, как было показано выше, наименьшее доверие, еще раз подтверждает связь между коррупцией в сферах жизнедеятельности общества и социальных институтах и доверием к ним [21; 35; 37].

Фактически складывается патовая ситуация, когда проведение реформ, как правило, болезненно отражается на жизнедеятельности подавляющего большинства

населения, провоцирует неудовлетворенность субъектами преобразований и, как следствие, существенно снижает эффективность их (преобразований) проведения. В разрыве этого «замкнутого круга», думается, и проявляется зрелость гражданского общества, призванного не (с)только оказывать давление на власть и выступать в роли контролера ее действий, но и продуцировать конструктивные решения, более эффективные механизмы в «перезагрузке» государства, т. е. демонстрировать социально ответственное поведение. Только такой паттерн взаимодействия сильного («взрослого», зрелого) гражданского общества и государства обеспечит утверждение ценностей демократического и свободного общества. Верно и то, что, только в этом случае мы можем говорить о реальной социальной безопасности общества.

Список использованных источников

1. Kumar, K. Civil Society: An Inquiry into the Usefulness of an Historical Term / K. Kumar // British Journal of Sociology. – 1993. –Vol. 44, No 3. – P. 375–395.
2. Seligman A. The Fragile Ethical Vision of Civil Society // Citizenship and Social Theory / Ed. B. S. Turner. – London : Sage Publications, 1993.
3. Stepan, A. State Power and the Strength of Civil Society in the Southern Cone of Latin America // Bringing the State Back In / Peter B. Evans, Dietrich Rueschemeyer, Theda Skocpol (Editors). – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – P. 317–346.
4. Колодій, А. Ф. На шляху до громадянського суспільства. Теоретичні засади й соціокультурні передумови демократичної трансформації в Україні / А. Ф. Колодій. – Львів : Червона Калина, 2002. 276 с.

¹³ В отношении к реформам, думается, ярко проявляется помимо критичности и парадоксальности общественного сознания украинцев также требовательность и в определенной степени зрелость гражданского общества: ведь подающее большинство украинцев, не веря в успешность реформ власти (32% имеют определенную надежду, но в целом не верят, тогда как 30% полностью не верят), при этом (54%) поддерживают продолжение преобразований [35].

¹⁴ Баланс коррупции рассчитан автором по формуле: баланс = («все охвачено коррупцией» + «коррупция достаточно распространена») – («коррупции практически нет» + «встречаются отдельные случаи коррупции»). Используются данные социологической службы Центра Разумкова [36].

¹⁵ Очевидно, целесообразно в случае, когда рассматриваем коррупцию в правоохранительных органах, говорить отдельно о милиции и полиции. Это предположение подтверждается данными компании TNS Ukraine (ноябрь 2015 г.), согласно которым с высокой коррумпированностью милиции («без денег вопрос решить невозможно») согласен каждый второй респондент (51%), тогда как в случае полиции такая позиция разделяется 7% респондентов [37].

5. Gouldner, A. The Two Marxisms / A. Gouldner. – New York, 1980. – P. 363–373.
6. Гражданское общество и проблемы безопасности в России : материалы круглого стола // Вопросы философии. – 1995. – № 2. – С. 18–36.
7. Капустин, Б. Г. Критика политической философии : избранные эссе / Б. Г. Капустин. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2010.
8. Україна: стратегічні пріоритети. Аналітичні оцінки / за ред. А. С. Гальчинського. – Київ : НІСД, 2003.
9. Реєстр громадських організацій. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.data.gov.ua/dataset/реєстр-громадських-організацій/resource/b24a77ff-5df4-4fb6-97d1-a15e3698d053>. – Дата доступу: 10.01.2016.
10. Putnam, R. Bowling Alone: the Collapse and Revival of American Community / R. Putnam. – New York : Simon & Schuster, 2000.
11. Democracies in Flux: the Evolution of Social Capital in Contemporary Society / Editor Robert Putnam. – New York : Oxford University Press, 2002.
12. The Oxford Handbook of Civil Society / Editor Michael Edwards. – Oxford : Oxford University Press, 2011.
13. Gellner, E. Conditions of Liberty: Civil Society and Its Enemies / E. Gellner. – London : Hamish Hamilton, 1994.
14. Keane, J. Democracy and Civil Society / J. Keane. – London-New York : Verso, 1988.
15. Taylor Ch. Invoking civil society // Contemporary Political Philosophy. An Anthology / Ed. by R.E.Goodin, Ph. Pettit. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
16. Основи демократії: навч. посібник для студентів вищ. навч. закладів / авт. кол.: М. Бессонова, О. Бірюков, С. Бондарчук [та ін.]; за заг. ред. А. Колодій. – Київ : Вид-во «Ай Бі», 2002.
17. Степаненко В. Громадянське суспільство: дискурси і практики / В. Степаненко. – Київ: Інститут соціології НАН України, 2015. – 420 с.
18. Бистрицький Є. Національна ідентичність і громадянське суспільство / Є.Бистрицький, С. Пролеєв, О. Білий, С. Лозниця, Р. Зимовець, Р. Кобець. – К. : ДУХ і ЛІТЕРА, 2015. – 452 с.
19. Які загрози є більш небезпечними для незалежності, суверенітету і територіальної цілісності України? [Електронний ресурс] // Центр Разумкова. – Режим доступу: http://www.uceps.org/ukr/poll.php?poll_id=1073. – Дата доступу: 25.11.2015.
20. Головаха, Е. Введение: доверие в обществе и общество без доверия // Общество без доверия / Е. Головаха; под ред. Е. Головахи, Н. Костенко, С. Макеева. – Киев : Ин-т социологии НАН Украины, 2014. – С. 7–12.
21. Оцінка громадянами ситуації в Україні та стану проведення реформ, ставлення до політиків та суспільних інститутів, електоральні рейтинги. Результати соціологічного дослідження : прес-реліз 24.03.2015. – Київ : Центр Разумкова, 2015.
22. Кому більше довіряють українці: владі, громадськості, ЗМІ...? загальнонаціональне опитування [Електронний ресурс] // Фонд «Демократичні ініціативи» імені Ілька Кучеріва. – Режим доступу: <http://www.dif.org.ua/ua/polls/2015a/komu-bilshе-doannja.htm>. – Дата доступу: 03.08.2015.
23. Щур, М. Інтерв'ю з Є.Захаровим: Поліція в Україні бореться за довіру людей, в Росії цей критерій прибрали навіть з закону [Електронний ресурс] М. Щур // Радіо «Свобода». – Режим доступу: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/27195254.html>. – Дата доступу: 18.08.2015.
24. Нова поліція продовжує підкорювати серця українців [Електронний ресурс] // TNS в Україні. – Режим доступу: <https://tns-ua.com/news/nova-politsiya-prodovzhuje-pidkoryuvati-sertsya-ukrayintiv>. – Дата доступу: 21.10.2015.
25. Результати дослідження «Довіра та ставлення до нової поліції» [Електронний ресурс] // Дослідницький центр SPHERA. – Режим доступу: <http://soc-sphera.com/novini/31-rezultati-doslidzhennya-dovira-ta-stavlennya-do-novoji-politsiji>. – Дата доступу: 23.10.2015.
26. 48,5% граждан доверяет новой патрульной полиции [Електронний ресурс] // Цензор.НЕТ. – Режим доступу: http://censor.net.ua/news/395912/485_grajdan_doveryaet_novoyi_patrulnoyi_politsii_shag_za_shagom_my_vystroim_slujbu_po_vsem_napravleniyam. – Дата доступу: 04.07.2016.
27. Нацполіція та ОБСЄ запустили безпрецедентний проект перепідготовки дільничних – Деканоїдзе [Електронний ресурс] // Цензор.Нет. – Режим доступу: <http://ua.censor.net.ua/n385632>. – Дата доступу: 21.04.2016.
28. Запоріжжя – 21-е місто України, де приступив до роботи новий поліцейський патруль [Електронний ресурс] // Міністерство внутрішніх справ України. – Режим доступу: <http://www.mvs.gov.ua/ua/>. – Дата доступу: 16.04.2016.
29. 44% жителей Украины полностью доверяют новой полиции – Аваков [Электронный ресурс] // Цензор.Нет. – Режим доступу: <http://censor.net.ua/n384397>. – Дата доступу: 14.04.2016)
30. Соціологічні опитування [Електронний ресурс] // Центр Разумкова. – Режим доступу: <http://www.uceps.org/ukr/socpolls.php>. – Дата доступу: 20.04.2015.
31. Довіра до соціальних інститутів та груп : прес-реліз 15.01.2016 [Електронний ресурс] // Київський міжнародний інститут соціології (КМІС). – Режим доступу: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=579&page=1>. – Дата доступу: 15.01.2016.
32. Puddington A., Roylance T. Anxious Dictators, Wavering Democracies: Global Freedom under Pressure. Freedom in the World 2016. [Electronic resource] // Freedom House. – Mode of access: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_FITW_Report_2016.pdf. – Date of access: 29.01.2016.
33. Россияне стали больше доверять армии [Электронный ресурс] // Левада-Центр. – Режим доступу: <http://www.levada.ru/2015/10/07/rossiyane-stali-bolshe-doveryat-armii/>. – Дата доступу: 15.02.2016.
34. Таких низьких показників довіри до влади, які має Україна, в Європі просто не спостерігається [Електронний ресурс] // Фонд «Демократичні ініціативи» імені Ілька Кучеріва. – Режим доступу: http://dif.org.ua/ua/commentaries/sociologist_view/djowjdgowoppipwergprihgp.htm. – Дата доступу: 12.02.2013.
35. Реформи в Україні: громадська думка населення [Електронний ресурс] // Фонд «Демократичні ініціативи» імені Ілька Кучеріва. – Режим доступу: <http://www.dif.org.ua/ua/polls/2015a/reformi-v-elennja-.htm>. – Дата доступу: 09.09.2015.
36. Якою мірою поширена корупція в кожній з наведених сфер? [Електронний ресурс] // Центр Разумкова. – Режим доступу: http://www.uceps.org/ukr/poll.php?poll_id=903. – Дата доступу: 17.11.2015.
37. На думку українців, суди та митна служба найбільш корумповані структури [Електронний ресурс] // TNS Ukraine. – Режим доступу: <https://tns-ua.com/news/na-dumku-ukrayintiv-sudi-ta-mitna-sluzhba-naybilsh-korumpovani-strukturi>. – Дата доступу: 18.12.2015.